

На нас писателях лежит великий долг – нарисовать тот идеал России, который осязателен всякому.

Аполлон Майков

Кубанский писатель

№3(46)

март
2011 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

Во всех отделениях связи продолжается подписка на газету «Кубанский писатель»
Подписной индекс в каталоге Почта России 54713, цена подписки 105 руб. 48 коп.

ПАНОРАМА

21 марта — Международный день поэзии

21 марта – Всемирный день поэзии, учрежденный на 30-й сессии Генеральной ассамблеи ЮНЕСКО, состоявшейся в Париже в 1999 году. Призван содействовать развитию поэзии, возвращению к устной традиции поэтических чтений, преподаванию поэзии, восстановлению диалога между поэзией и другими видами искусства.

В этом году празднование Международного дня поэзии впервые прошло в Кубанском государственном технологическом университете. Литературная гостиная «Светлана», недавно открывшаяся в уютном камерном зале вуза, по весеннему тепло принимала кубанских поэтов Нелли Василинину, Любовь Мирошникову, Татьяну Соколову и Светлану Макарову, председателя регионального отделения Союза писателей России. Здесь в располагающей к доверительному разговору обстановке студенты политехнического университета впервые общались с теми, кого до сих пор знали только по книгам.

После выступления приглашённых поэтов ребята ответно почитали свои любимые стихи Крониды Обойщикова, Светланы Медведевой, Николая Зиновьева. Несколько ранее в Литературной гостиной вуза прошла

презентация умной, наполненной любовью и патриотизмом, книги «ОТБЛЕСК СЛАВНЫХ ПОБЕД ЗАЖИГАЕТ СЕРДЦА МОЛОДЫХ!» Авторами книги являются школьники, студенты.

Книга вышла в свет при поддержке администрации Краснодарского края и Краснодарской краевой общественной организации «Герои Отечества». Среди 105 конкурсантов – 17 ребят стали лауреатами, двое из них – студенты политеха Анастасия Даценко и Платон Красин.

В сборник вошли портреты людей, прославивших Кубань

на весь мир: народный артист России Виктор Захарченко, олимпийский чемпион Александр Москаленко, чемпион мира по боксу Дмитрий Пирог. Уникальная книга «ОТБЛЕСК СЛАВНЫХ ПОБЕД ЗАЖИГАЕТ СЕРДЦА МОЛОДЫХ!» может стать настольной для каждого кубанца, ибо она является одной из главных в деле воспитания молодого поколения.

Среди приглашённых гостей присутствовали председатель городского филиала Краснодарской общественной организации «Герои Отечества» В. Н. Резни-

ков, заместитель председателя организации кавалер ордена Ленина Н. М. Семенцова, председатель ревизионной комиссии организации Герой Социалистического Труда В. И. Озеров и помощник председателя краевого совета ветеранов Н.А. Трущова.

Мероприятие организовали и провели председатель совета ветеранов КубГТУ профессор И. И. Буряк и организатор Литературной гостиной политеха КубГТУ М.М.Гукасова.

Марина Голубева,
член Союза журналистов России

● В селе Верхняя Беранда Лазаревского района г. Сочи, где родился и прожил яркую жизнь талантливый поэт, член Союза писателей Армении Ашот Кочконян, стало доброй традицией ежегодно проводить праздник, посвященный его памяти.

В своё время все произведения А. А. Кочконяна были переведены на русский язык известным кубанским поэтом Валерием Клебановым и собраны в книгу «Амшен мой, прадедов земля», принесшую автору широкую известность и читательскую любовь.

В феврале нынешнего года прошло очередное кочконяновское торжество, связанное с открытием мемориальной доски, установленной на школе № 88, где «великий амшенский поэт» (как его нынче величают земляки) проработал 40 лет и многие годы был её директором. Стихи Ашота Арутюновича исполнялись как на армянском языке, так и в русских переводах.

В этом культурном мероприятии приняли участие руководители районной и сельской администраций, работники городского и районного отделов образования и науки, литераторы и журналисты, самодеятельные концертные коллективы, звучала музыка свирели и кяманчи, которыми при жизни виртуозно владел поэт.

Праздник закончился актом дарения авторами своих книг.

Дмитрий Альбинин

● Станица Марьянская. «Всеславины». Встреча 19 февраля 2011 г. Руководитель В. А. Динка.

После набивших оскомину, занудных собраний, заседаний и «галочных» мероприятий советских времён казалось бы трудно кого-либо удивить отчётом об этих самых мероприятиях. Но, характеризуя встречу, состоявшуюся в библиотеке станицы Марьянской, хочется применить именно слово «удивительная». На ней обсуждались не наболевшие вопросы быта, а роль слова, написанного или сказанного, роль поэзии, литературного творчества в наше время. В станицу приехали гости из Темрюка – представители поэтического клуба «Орфей» Л. И. Нацевич, Н. Я. Милова, А. Т. Литвинов,

В. П. Еленина, Н. А. Максименко, из Краснодарского литературного объединения «Верность» Л. С. Пахомова, служитель церкви отец Роман и его помощник, глава Марьянского поселения И. И. Исламова.

Не верьте, если услышите, что «в наши дни думают только о материальном. Каждый сам по себе» Неправда это! Глядя на людей, собравшихся в сельской библиотеке станицы Марьянской, на их увлечённость, неподдельный интерес к красоте и силе Русского Слова, искренне веришь в слова И. С. Тургенева: «...нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Руденко Людмила,
член клуба любителей поэзии «Всеславины» станицы Марьянской

В библиотеке имени Н. А. Некрасова прошла презентация книги стихов «Сквозь темноту» Вячеслава Александровича Динки. Представленный сборник стал результатом десятилетней творческой работы кубанского поэта и, несомненно, заметным явлением в литературном процессе Кубани. В читальном зале библиотеки собрались коллеги по перу, читатели и самодеятельные авторы, члены литературных объединений края, с которыми многие годы сотрудничал поэт. Искренние поздравления с творческой удачей звучали в адрес Вячеслава Александровича, и каждый выступающий цитировал полюбившиеся строки.

(Продолжение. Начало в № 2)

Что радуется, всё больше и больше появляется книга глубинного осмысливания России, диалектики её истории, её природы, её простора-пространства, её культуры, её демографии, быта, государственности, места русского народа, его этноса в её истории, в мировой истории, о стержнях, на которых держалась Россия; о Великом и могучем русском языке, о национальном характере русских и, конечно, Вере, о Православии, сохраняющем русских, о других традиционных религиях, не взрывающих Россию, о попытках переделать русских, отучить от коллективизма, соборности, от памяти.

В обществе вновь возникла тяга к познанию России. Философия, история, филология, экономика, геополитика, культурология пытаются дать ответ о предназначении России. Представление о России, осмысление её рассыпано в различных предметах, направлениях науки, знаниях. У меня дома и на даче не менее 1 000 книг своеобразной «Россики». Возьмём те из них, где это знание вспыхивает, где обозначаются очень важные грани России. Например, в замечательных книгах доктора филологических наук профессора из Санкт-Петербурга Владимира Викторовича Колесова «Философия русского слова» и особенно в последнем его фундаментальном исследовании о русской ментальности в категориях русского языка («Русская ментальность в языке и тексте», СПб, 2007).

Подлинным накопителем исторических и философских знаний о России стали сочинения сопредседателя Союза писателей России, доктора исторических наук, профессора С. В. Перевезенцева. Он один из тех, кто осветил русскую философскую мысль XII – XVIII веков, которую догматическая марксистская мысль или не замечала, или отрицала, ибо она выражалась в религиозных категориях. Его последние книги «Тайны русской веры», «Смысл русской истории» и «Русский выбор. Очерки национального самосознания» («Русский мир», 2007), в которых он и подытоживает свои размышления: «Сегодня, по большому счёту, русский выбор обозначен: быть или не быть русским». Наши оппоненты (враги) хотят нас отвести именно от этого спасительного выбора. Другой историк, член нашего Союза писателей, профессор Александр Вдовин тоже посвятил свои работы осмыслению пути русского народа. В его книге «Русские в XX веке. Факты, события, люди» делается очень важный вывод: «осмысление пути русского народа через драматический XX век приводит к убеждению, что коренная причина разрушения Российской империи в 1917 году и Советского Союза в 1991 году заключается в отчуждении между государством и русским народом, в равнодушии наиболее многочисленного народа к судьбе «империи», утрачивающей способность к выражению и защите его национальных интересов и ценностей». Когда же власть в нашем государстве прислушается к этому?

Он же осаживает некоторых наших ретивых патриотов, которые чуть ли не требуют запретить слово «российский», и пишет, что ещё в «Лексиконе трехязычном» в 1704 году писалось «русский – зри российский». Да и современные словари русского языка гласят: «Россиянин – то же, что русский». И поэтому, считает автор: наименование Российской Федерации равнозначно понятию Россия, Великая Русь, Русское государство. Но это бы и следовало отразить в государственных актах. Вспоминаю тут постоянные выступления нашей пламенной поэтессы из Коми Надежды Мирошниченко, которая требует, чтобы в Конституции РФ было написано: «Россия (Российская Федерация)».

А. Вдовин считает, что «русская идея» может и должна стать интернациональной для всех народов России или, как он пишет, «российских народов». Хотя один мордовский писатель мне убежденно сказал: «Валерий Николаевич, Россия состоит из народов русских. Вот мордва, во всяком случае, народ русский».

Другой пласт «русскости» – её народная культура. Известный писатель Анатолий Рогов представил её смысл и значение в народной культуре («Мир русской души или история русской народной культуры»). М. : «Книжный клуб»). Анатолий Петрович резко

Итак, о русском Воспрянула ли книжная «Россика»?

говорит: «Не знает большинство нынешних россиян свой народ, постыдно, позорно не знает». И он заканчивает книгу ответственным, по существу неопровержимым выводом: «Тем же, кто сейчас властвует в России и любит твердить о её величии, надо понять, что великих государств не бывает без великих идей и великой культуры».

А вот ещё две книги писателей, публицистов, учёных. Один из них политолог, экономист, профессор Михаил Иванович Козин в книге «Россия в сумерках трансформации» довольно жестко говорит о новых российских реалиях, размышляет о политических, идейно-нравственных переменах в российском обществе, о поисках новой национальной идеи (духовность, народовластие, державность).

С болью об отечестве пишет Александр Казинцев в книгах «Россия над бездной» и «В поисках России». Он опирается на широкий диапазон сравнений, на опыт многих стран, где побывал (Палестина, Ирак, Китай, славянские страны, Англия). Казинцев никогда не теряет исторического оптимизма, даже тогда, когда Россия терпит поражения. Он пишет: «Сейчас среди патриотов распространилось странное воззрение: мы такие, какие есть, можно даже презирать нас за это, но переделать русского человека невозможно... разумеется по чужим чертежам и меркам (как того желали демократы-западники). Но возродить русскую предприимчивость, русскую силу, любовь к родине возможно и необходимо, иначе нас будут презирать и вытирать ноги о Россию».

Очень важную просветительскую миссию осуществил ещё один доктор исторических наук, сопредседатель Союза писателей России Игорь Янин, который составил книгу «Из русской мысли о России». Это подлинное звёздное небо светящихся размышлений, пророчеств, мерцающих откровений. Тут Аксаков и Гоголь, Пушкин и Данилевский, Достоевский и Ильин, Толстой и Хомяков, Флоренский и Победоносцев.

Действительно, общество мало знает о России: об этом говорил ещё А. Пушкин («Мы ленивы и нелюбопытны»), вторил ему Хомяков («Мы Россию не знаем»), об этом сокрушался Гоголь («Велико незнание России посреди России»). Янин собирает кристаллы такого знания, и недаром Валентин Распутин в своём расширенном эпиграфе написал: «Кажется, книги, подобной этой, где был бы представлен свод рассуждений русских о России, у нас ещё не было. Свод, конечно, регламентированный, чтобы вместить главное и не растечься мыслью по древу. Но древо, взращённое русской мыслью, получилось живым и могучим. Под ним, широко раскинувшим крону, так полезно будет подумать о себе, о том, кто мы были спервоначалу и кто мы по сегодня и что может ждать нас впереди».

Смотрю на полки своей «Россики» и вижу: сколь многовекторны и разнообразны подходы к России, её прошлому и будущему. Вот авторы В. Медведев, В. Хомяков и В. Белокур выпустили ряд остро публицистических книг о России. Одна из них «Национальная идея или чего ожидает Бог от России» (Изд-во «Единство нации», 2008) резко ставит вопрос о национальной идее и предназначении России в разделах извечных для России вопросов: Что происходит? Кто виноват? Что делать? Как делать? Целая серия книг о значимости для нашей страны Русской культуры. Так, над книгой «Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России начале XXI века» (Смагистр-пресс, 2003) работал целый коллектив авторов. Критикуя научный анализ состояния мира конца XX века, авторы делают довольно уничтожающий вывод о том, чему поклонялось общество весь век: «Наука к исходу XX века, несмотря на важные достижения, оказалась неспособной к решению стратегических задач развития общества и человека, эволюции их жиз-

Валерий ГАНИЧЕВ

ненных сил. И не потому, что ей не хватает аргументов, способности решать актуальные проблемы. Наука настолько хорошо приспособилась к сложившемуся порядку жизни, типу господствующей социальной культуры, уравнивая истину с получением пользы, что вывести из этого состояния можно, лишь разрушив классический характер общественного развития, классическую социологию, традиционно сложившийся социальный интеллект».

Авторы прослеживают в России всплеск духовно-культурных синтетических исканий и утверждают, что русская культура является одним из принципов жизнестойкости русского и других народов России.

Книги и авторы все разные – они призывают к полемике. И важно, что они есть. Вот бывший диссидент М. Назаров – «Тайна России», рядом доктор наук В. Большаков – «По закону исторического возмездия», известный генерал Н. Леонов – «Крестный путь России» и книга Б. Балуева «Споры о судьбах России» и т. д. О каждой из них можно помногу рассуждать, полемизировать. Важно, что они есть – работает общественная мысль России.

Думаю, что мы ещё поговорим о впечатлениях по поводу сегодняшней литературы, но вот в связи с прямой «русской темой» не могу не сказать о блестящих трудах нашего писателя-мыслителя Бориса Тарасова. Его книги «Паскаль», «Чаадаев», «Куда движется история» и др. всегда поражали глубиной мировоззренческого анализа творчества авторов, времени, в котором они жили. Вот одна из последних его книг «Историософия Ф. И. Тютчева в современном контексте» (Наука, 2006). Эта книга о неких, не всегда видимых глубинах русской мысли, о размышлениях поэта, соотносённых с размышлениями представителей русской классической литературы и философии, современных мыслителей Запада. В общем, это опять книга о России и её путях развития. Эта книга о пророчествах поэта, о его призывах предотвратить распад, усиление материальных appetитов, эгоистических инстинктов и интеллектуальную пустоту. Поэтому он призывал создать «мощное, умное, уверенное в своих силах направление – вот кричащее требование страны и лозунг всего нашего современного положения». А это и есть та «русская партия», которой пугают, дабы позволить антирусской партии проникать во все сферы общества, припугивая власть, а самой в это время становиться властью.

Не могу не вспомнить ещё две знаковые книги последних лет – одну из них, книгу А. Панарина «Искушение глобализмом» (2002 г.), я брал с собой в командировку в Вену, когда в мае 2006 года участвовал в довольно необычной для западного мира научно-богословской конференции с символическим, взывающим к справедливости названием «Верните душу Европе!», на которую собрались учёные, священники, общественные деятели Европы и России. После знаменитого X Всемирного Русского Народного Собора, провозгласившего «права человека, которыми пытаются измерить каждое государство, должны учитывать исторические, веровательные, бытовые особенности каждой страны, а главное, не отрывать, под видом свободы, дорогу греху». Многие в Европе встрепенулись, ведь там христианство не только изгоняется из общественной и государственной жизни, но оно всё больше ограничивается в правах, христианские истоки Европы юридически не фиксируются уже почти ни в одном законе, конституциях стран ЕЭС. X Собор взбудоражил христиан Европы, они внимательно слушали на конференции соборян из России. У меня был доклад о том, как классическая русская литература в советское время защищала и утверждала мораль, христианскую нравственность. Это было действительно так, ибо в 30-е годы, вопреки идеологическим догмам

20-х, часть руководства страны приняла решение издавать миллионными тиражами Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Чехова и других классиков, правда, подчёркивая их антибуржуазную суть (что в немалой степени было верно). Какое счастье, что наш народ, овладевший грамотой в период истинной «культурной революции», не получил масскультуру американских комиксов, шлягеров и киллерских триллеров, какие ему пытаются всучить сегодняшние ТВ и СМИ.

Это в своём приветствии писателям, пишущим на историческую тему, подчеркнул и Святейший Патриарх Алексий II, отдавая должное русской классической литературе – литературе, находящейся на нравственных, христианских координатах.

Вот такое мнение и у А. Панарина, и он предостерегал, что «было бы самым опасным – потерять не территорию (её для русского человека можно будет вернуть в будущем), а потерять свой культурный код, свой культурный слой, свой русский дух, которые под воздействием СМИ могут и не возродиться».

Ну и, конечно, книга Натальи Нарочницкой «Россия и русские в мировой истории» (Международные отношения, 2003). Для продолжающихся споров между патриотами и западниками, между почвенниками и либералами, между тружениками и ростовщиками эта книга даёт немало возможной увидеть смысл и цели национального бытия. И главное в этом споре – Дух, ибо, «громкая территория, внушительная экономика, военная мощь и даже ядерное оружие, как показало недавнее унижение России, мало стоят сами по себе, ибо материя без духа не способна творить историю» (с. 532).

Но вот ещё одна, я бы сказал стратегическая, книга у меня на столе «Россия в пространстве и времени». Её авторы член-корреспондент РАН Б. Н. Кузык, доктор экономических наук А. И. Агеев, кандидаты технических, военных, экономических наук О. Доброгеев, Б. Куроедов, Б. Мясоедов. Это выявление и осмысление фундаментальных характеристик нашей исторической динамики.

Авторы, анализируя нашу историю, рассматривают её как своеобразный музей стратегий с большими запасниками, закрытыми, как правило, для публичного просмотра. Здесь всё проанализировано на сотнях примеров, таблиц, карт, сравнительных характеристик. Пред нами ключевые действующие лица, истории, народные массы, внешние силы воздействия, войны, союзы, территориальные изменения. Я восхищён проделанной работой и думаю, что она не только для Академии Генерального штаба и российской элиты – она для лучших, самых высоких, обеспокоенных нашим будущим, умов России!

Да, если в 90-е годы XX столетия были по-своему пионерские авторские труды о России, русском народе, то в начале XXI века стали появляться обобщённые, антологические, стратегические работы. Одну из них «Россия в пространстве и времени» я уже назвал, много разговоров ведётся вокруг неё. Сочинение же «Русская доктрина» («Сергианский проект») является, по-моему, прорывным произведением молодых учёных. Я впервые принял участие в его обсуждении на Корфу, когда в 2005 году во время Ушаковских чтений её проект был представлен на обсуждение широкой группе социологов, политиков, философов и историков. Эти группы вдохновлённых энтузиастов под покровительством фонда «Русский предприниматель» (президент Олег Костин) при участии молодых учёных Андрея Кобякова, Виталия Аверьянова, Романа Багдасарова, Александра Рудакова и др.

Известно, что есть время разбрасывать камни, и есть время их собирать. Как известно, собираются они для того, чтобы строить, созидать новое сооружение. То же в каком-то смысле происходит и с доктринами.

Наше общество славно потрудились в 80-90-х годах, чтобы разрушить существовавшие доктрины. Сначала разбросали камни марксистской доктрины вроде бы за непригодность, воздвигали либеральное доктринерское сооружение, сверкавшее всеми привлекательными красками.

(Продолжение на стр. 7)

ЮБИЛЕЙ

ЧТО ЧЕЛОВЕК ДЕЛАЕТ, ТАКОВ ОН И ЕСТЬ

С этой емкой фразы Гегеля можно, пожалуй, начать повествование о пути в литературе нашего земляка-кубанца Владимира Полева, читателю (и не только российскому!) больше известного под псевдонимом Кирпильцова.

Наверное, при обсуждении такой яркой личности – профессионального контрразведчика и одновременно интересного прозаика – у каждого возникает свой образ пути полковника Владлена Родионова (любимого героя и своеобразного альтер-эго писателя). Поэтому наш разговор лишь о том, что знаем и ощущаем лично. О «своем Кирпильцове».

Кстати, о знакомом для произведений В. Кирпильцова слове «путь» – ведь недаром так или иначе, в различных вариациях и подтекстах, оно звучит даже в заглавиях произведений. Начиная от первенцев «Перекрестки, или Когда святые маршируют» и «Пришельец, или Святое шествие» до лишь только готовящегося к изданию исторического романа «Мытари и всадники».

Ведь произведения его – литература не только интригующе-детективная, но и нравоучительная. Он пишет их – да будет позволено такое сравнение, как Екатерина писала свои «писы» – для просвещения народа.

Кирпильцов в этом плане – несомненный культурный стратег. Когда после пресловутой «перестройки» возник общий поп-рассол – активный, агрессивный и низкопробный, он, как одаренный и думающий человек, поставил себе задачу это дикое варево окультурить. Осознавая, что последний час высокой литературы во-многом уже пробил, он предложил в 2003 году читателю востребованную детективную матрицу «Перекрестков». Понимал Владимир Кирпильцов и то, что время майора Пронина и «Места встречи изменить нельзя» также кончилось. Поэтому плацдармом для своих, как он их назвал, «органолептических опусов» выбрал эффектный антураж «криминальных времен «великих паханатов».

До Кирпильцова детективы многостаночники отечественного литэраца, понятно, кропали тоннами. Он же привнес в этот исковерканный ими жанр интеллектуализм. Детективная матрица + реальный дух эпохи + интеллектуализм – правильный выбор героев типа Владлена Родионова или Дмитрия Семирко – вот четыре пункта, которые обеспечили ему попадание в игольное ушко успеха у читателя. Нет, пожалуй, конечно же, ещё и то, что каждая строчка его произведений пропитана духом родных автору палестин (недаром и литературный псевдоним взял от имени тихой кубанской речки – Кирпильцов). Такой писатель мог появиться только на земле Кубани, вобравшей в себя множество культур и традиций.

В 2005 году уже полюбившиеся читателю «органолептические опусы» «Перекрестков» получили своё продолжение во второй части авторской дилогии – «Пришельце, или Святое шествие». Здесь уже известные ранее герои Владимира Кирпильцова вновь вовлечены в самую гущу событий постперестроечного времени многострадальной России. Это, с одной стороны, торговцы оружием, наркотиками, международных террористов, вымогатели типа Бостанкула, претендента на олигархический олимп Семагина и экстремиста Абу Али. И, естественно, с другой стороны, те, кто им противостоит. Причём пути их пересекаются не только на благословенных землях Юга России, но на этот раз и в туманном Лондоне, и в пещерах Каппадокии.

В предисловии к этой книге известный литературовед, профессор Тверского госуниверситета В. Юдин пишет: «Внутренне в «Пришельце» перекрестков не менее, чем в первой книге. Они подспудны: скрещение масштабных событий – и тончайшего проникновения в сокровенное, личное; гордость за Отечество, его защитников – и боль их бед; торжество жизни в таких проявлениях, каких не знали бумаженные страницы...»

Всё правильно и неправильно одновременно. Так как не может послужить ответом на наветы типа однажды услышанного: «... он фантазер, но до области художественного творчества, где не придумывают, а создают, ему не добраться: другая природа дарования». Другой же коллега по писательскому цеху, напротив, сказал, что, читая «Пришельца», он слышит стук сердца его автора. Здесь другой, более важный для понимания творчества В. Кирпильцова, камертон. Недаром как-то в одном из немногочисленных своих интервью тогдашний начальник УФСБ по Краснодарскому краю В. Молчанов поделился незакодированным: «О людях нашей профессии непосвященные знают очень мало... Моего заместителя Владимира Полева я считаю лучшим умом управления. В своих произведениях он показал наших сотрудников такими, какие они и есть в жизни. Многие из нас узнают себя в его героях».

Пожалуй, о Владимире Кирпильцове можно сказать так: «Результат таланта, не уместившегося в профессии» – да и как ему, таланту, уместиться? На то он и дар, а потому – свободный, «неформатный». Коллизии сюжетов Кирпильцова естественны и отточены, сюжет динамичен, а ирония и/или сарказм – некие условные «маячки»: пресловутый свет в конце туннеля (штамп, не требующий, однако, излишних комментариев), благодаря которому читатель таки не захлебывается в море обыденности, которую, по большому счету, и описывает прозаик – разумеется, перерабатывая и переплавляя «жысть» в очень ладный, крепко сшитый, текст.

Прежде всего, симптоматично в этом плане самое известное на сегодняшний день творение писателя – исторический роман «Реликвия, или Свет давно угасшей звезды», изданный в 2005 году на Кубани и дважды переизданный в Москве, а также превращенный творческой группой в первую вышедшую на Юге России аудиокнигу. Роман предваряет эпиграф: «Его Величеству Оперу Российской разведки и контрразведки, вот уж 70 лет творящему святое таинство обеспечения безопасности Отечества в родном Краснодарском крае».

Но содержание выходит далеко за границы ожидаемого с таким эпиграфом детективного сюжета. Теперь это роман-

Член Союза писателей России Владимир Владимирович Полев, известный читателю под литературным псевдонимом Владимир Кирпильцов. Детство и юность прошли на Кубани в Новокубанске, Тимашевске, ст. Брюховецкой.

В 1968 г. поступил в Ростовский государственный университет на экономико-философский факультет на специальность «экономическая кибернетика».

По окончании университета в 1973 году работал по распределению в системе АСУ («Главнефтеснаб»), преподавал в Брюховецком сельхозтехникуме.

С 1974 года – на службе в органах безопасности СССР и России, прошел все ступени от должности оперуполномоченного до заместителя начальника краевого управления ФСБ. Воинское звание – полковник. За конкретные результаты в работе награжден орденами Почета, «За военные заслуги», медалями, почетным знаком «За службу в контрразведке» 2-й и 3-й степени, «За выдающийся вклад в развитие Кубани» 1-й и 2-й степени и другими.

Лауреат премии им. Ю. В. Андропова и литературной премии им. А. Д. Знаменского.

панорама, в котором, можно сказать, пересекаются три Времени, три Судьбы и одна Реликвия... Интересно, кстати, уже сама предыстория, которую поведал Владимир Кирпильцов: «Работа над «Реликвией» начиналась как в плохом романе: смеркалось, в дверь постучали. Я, тогда еще молодой капитан КГБ, открыл и увидел 80-летнего старика, пришедшего ко мне по совету знакомого. Оказалось, он служил в Гатчинском полку голубых кирасир и разоблачил французского шпиона, охотившегося за реликвией сармат, проходившей в документах как «живое золото»... Когда я поднял документы о расследовании этого дела, папка с ними была пуста». И еще: «Книга зрела и прорастала во мне почти тридцать лет, а была написана за три года».

Идейный смысл «Реликвии» – очень точно попавший в наше наэлектризованное космополитизмом время. Древней легенде трогательной любви между великим вождем сарматских воинов Ясом Сермионом и женщиной Агиларой, являющейся хранительницей их мистического оберега-реликвии, обладающего необычным воздействием на возможности человека, более двух тысяч лет. Тайна сармат (автор считает их в определенной мере прародом современных кубанцев) становится особенно притягательной в период переворотов и революций прошлого века для

представителей ведущих контрразведок. Эти жестокие времена, разворачивающиеся в Екатеринодаре, становятся испытанием военной чести и патриотизма для поручика лейб-гвардии Ее Императорского Величества князя Пыхнова-Ордынова в противостоянии к интригам красавицы-агента из контрразведки Кутепова мадам Тоцкой. Определение «стиль – это человек», как видно, распространяется и на «проекты» – то есть на жанровые и стилиевые повороты сюжета. Они тоже имеют свой стиль, и человек в нём легко угадывается. Ведь хороший детективщик разрабатывает не столько сюжет, сколько устройство ума и способ мышления героев. Понятно, что эти вещи в прямом родстве с умом и мышлением самого автора. Водоворот судьбоносных событий для героев «Реликвии», втянутых на переломе истории Российской Империи в тайные игры масонских сообществ, французской, английской контрразведки в Константинополе не может оставить читателя равнодушным. И, наконец, охота за загадкой чудодейственной реликвии сармат неожиданным образом проявляется и в наше неромантическое время стандартов общества изолированного потребления с участием добрых уже наших знакомых, перекочевавших сюда из предыдущих произведений автора – дерзких и по-оперски ироничных сыскарей из ФСБ Гринго, Дядюшки Дэна, Рейнджера и Семирко...

Наверное, кто-то из оппонентов этого исторического романа Кирпильцова скажет о слишком вольном трактовании истории. Ответим на это словами самого автора «Реликвии»: «... художник имеет право на версию и право её отстаивать. Уже потому, что автор располагал свидетельскими показаниями о руководителе французской контрразведки в Константинополе полковнике Реню (в книге это капитан Жоссэ). Это был очень реалистичный и прагматичный человек. Но именно он засылал на Кубань агента «Кадета» для поиска сарматской реликвии, обладающей каким-то сильным воздействием на человека. Отсюда ответ автора о соотношении правды и вымысла в тех мистических, на первый взгляд, тайнах, которые есть в романе: все факты, которые приведены в книге, имели место быть в реальной жизни, только под другими именами и в иных географических условиях».

Если коротко обрисовать кредо, которое всеми средствами отстаивал и отстаивает своими произведениями Владимир Кирпильцов, мы неминуемо обратимся к патристическому образу. Россия ему важнее всего на свете, а почему – это уж надо читать его книги. Вот и новый, пока еще неизданный, роман «Мытари и всадники» тому подтверждение. О чём он? Рассказывать сюжет ещё неизданного произведения – не очень хорошая примета. Скажем лишь одно: помимо того, что это увлекательное повествование хитросплетенных сюжетных линий, это ещё и д о н о р с к а я проза. Стоит только пролистать содержание подзаголовков «Дабы знать тайные козни турецких партий...»; «Христианский Бог «Тха», и пророк Магомед, и языческие Мезитху и Зейгут... Все смешалось в этом черкесском мире»; «Тайное преуспеяние иноземцев... весьма опасно для становления наших укреплений на южных берегах причерноморской Черкесии», чтобы понять – перед нами филигранно выстроенная система идеологии толерантности межсоседских народов. Выстроенная и художественно обрамленная писателем задолго до призывов президента Медведева после известных событий на Манежной площади.

...Мастерство художника многогранно – в применении к Кирпильцову привычная истина свежа. Каждая грань достойна отдельной оценки, явной и сущей. Особо значим неповторимый язык – выход от души к миру, изнутри вовне и обратно, как прозрел тот же Гегель и его последователи.

Кирпильцов – и бесстрашный языкотворец-Мастер, и прилежный восприимчив, ученик Мастеров, в лишь ему присущей органике. Творческое начало – прежде всего, то языковое расширение, которое так пристально выявлял в русском сознании середины XX в. Солженицын. Мы слышим, воспринимаем, принимаем ряд слов, введенных впервые в оборот, придуманных Кирпильцовым: от «первоинстинкта» до «паханата». Они приживаются, ибо необходимы растущему познанию мира в языке, созвучны живой системе. Вспоминается гениальная мысль А. Островского: язык хорош, потому что это творение.

Наш земляк, как часть творческой вселенной, ответил на высокую потребность – выразить новые смыслы, оттенки, ощущение. Конечно, созданием отдельных слов это не исчерпано. О речевом искусстве Кирпильцова заговорили сразу после «Перекрестков», десять лет назад. И с тех пор растут три волны его писательского речетворчества: диалектная, личностная, пейзажная, слитые в глубинной цельности.

Ярко и всерьез играет слово, кстати, в новой книге «Мытари и всадники» (прежних не касаемся во избежание возможного повторения: ведь о языке художника рассуждают, спорят почти весь нынешний миллениум...). В этой игре – точность устного слова, сладость родного говора:

«Кавалер! Как есть кавалер! – воскликнул восхищённо выдавший виды вояка. – Вам бы щас до Парижу, господин поручик? Как в четырнадцатом годе, когда я там бывал. Ух, манерным мамзелям там... сердешно пострадать пришлось бы! Ох как сердешно! Ух, побережись, Париж!...»

(Продолжение на стр. 4)

ЮБИЛЕЙ

ЧТО ЧЕЛОВЕК ДЕЛАЕТ, ТАКОВ ОН И ЕСТЬ

(Окончание. Начало на стр. 3)

Здесь — не просто колорит кубанских мест и давнего времени, а такие формы имен, глаголов, которые хранят самую раннюю пору языка, его истоки. И раскрывают их графоны — особые знаки, как буква «ш» в слове *сердешный*, необходимый письменный способ точно передать живое бытие речи. (Что еще за графон — может возмутиться сам Кирпильцов; не любит наш земляк сухие термины, вроде когнитивности и гипертекста. Но до Журдена, не знавшего о том, что говорит прозой, не опускается. А не любит — от излишней скромности...). И тем более поучительны консультации прозаика с «профессионалами говорю». Он и сам уже мог бы читать лекции о диалектной речи, но чутко прислушивается к авторитетным специалистам, например кандидату наук и диалектологу Людмиле Костиной. Потому, возможно, так ошутима в его текстах неизъяснимая прелесть кубанской речи. Более полвека назад она, освоенная художественной прозой А. Первенцева, А. Знаменского, П. Вишневого, поразила многих, например, рафинированного москвича Юрия Трифонова, — а сегодня живет в таких мирах, как у нашего современника.

Созвучно этой внешней точности личностное, внутреннее начало. Кирпильцову подвластны тайны языкового бытия, которыми меряют глубину классического и нынешнего художественного познания. Вот свежее доказательство. К кому обращается разведчик Андрей Траубэ (*порулик царской армии 1820-х годов, герой нового — 2011 г. — романа «Мытари и всадники»*) в следующем фрагменте:

«— Нет, брат ты мой Андрей Иванович, тут иное... И это, брат ты мой ситный, пренеприятно окружению его Императорского Величества! Вот что я тебе скажу, зеркальный ты мой!»

К собеседнику-другому? Тогда откуда эпитет «зеркальный»?... Здесь поручик адресуетя вовсе не к какому-то совсем иному человеку, а к самому себе — как к другому:

«Опальный и забытый всеми поручик Траубэ... задумался над полученным посланием. Это вообще в его духе — прежде задумываться, логически выудив между строк любопытные связи. То любопытство всегда шло впереди обид и эмоциональных придыханий.

Признание его правоты спустя два года после победных реляций, в которых его и не вспоминали, означало, что время бравадных маршей кончилось, уступив тем проблемам, о которых и не ведали, когда забрали кубанскую Черкесию у паши.

— Иначе зачем признавать правоту какого-то поручика? — рассуждал Траубэ. — Лазутчиков из черкесов у генерала Вельяминова и так достаточно для внесения ясности в вопросы военные — с турками, и переговоров — с черкесами.

— Нет, брат ты мой Андрей Иванович, тут иное... — фамильярное обращение к самому себе позабавило Траубэ, но и позволило посмотреть на всё дело со стороны.

Здесь особое свойство личности — «раздвоение», амбивалентность, вполне системное обращение человека к самому себе. Кирпильцов — из тех, кто глубоко открывает соединение полярных ракурсов, а именно внутреннего и внешнего. Ключ к этой тайне — оборот: посмотреть на всё дело со стороны. Причем нет другого способа враз и посмотреть со стороны, и увидеть изнутри, кроме как закрепить двойственность.

Амбивалентность у автора — один из законов человеческой природы, а именно закон одновременности разнохарактерных (часто противоположных) влечений, мотивов,

отношений. У Кирпильцова она помогает понять суть бытия, где сплетены безопасность и страх, вера и безверие, надежда и отчаяние... Тем более важна она для современной ментальности, где всякое явление может раскрываться двусторонне, двузначе. Так становятся доступны трагизм и сложность внутренних противоречий, открытие добра в зле, зла в добре.

Сопряжена с этим картина мира, пространство бытия. В пейзаже соединяются обжитой любимой край, неотторжимый от своих, родных людей, запечатленный в их душах, — и бесконечная открытость, манящая новыми картинами. Автор словно усыпляет бдительность читателя, рисуя великолепный пейзаж. И контраст с этой красотой усилит драматическое восприятие последующей трагедии... Тем более что средства контраста у Кирпильцова оригинальны и сильны: ветви то смыкались, то расступались, а далее обрыв назван границей мира и войны, и перевал выпрыгивает неожиданно: «...Конец подъёму близок. Его чуяли и лошади, надрывая жилы в последнем броске. И всё ж перевал выпрыгнул на них неожиданно, раскрыв ветвями бескрайнее небо над обрывом с кривыми обветренными ветвями и орлиными гнёздами на самой круче».

Открытый по-новому древний Кавказ — знак особого мастерства. Он обещает новые открытия...

В заключение же нашего повествования о литературном пути Владимира Кирпильцова, встречающего в эти дни свой юбилейный день рождения, скажем честно, образ этого человека одной этой рецензией не воссоздашь. Вот может быть, документальным романом — было бы уместнее, соразмернее. А так пока только контуры углядишь, эмоции...

Г. Соловьев, А. Факторович

Присяжный лазутчик черкес Сельмен Пшазо уверенно и споро вёл русского поручика Андрея Траубэ по предгорным лесам за перевал, к Чёрному морю. Не более двух суток отмеряно для их дерзкой вылазки за Кубань во владения турецкого паши, засевшего в крепости Анапа. След чужих всадников надолго не скроешь. Чуть задержался — и от погони и скорой расправы не уйти. Потому замысловатый путь по едва заметным оленьим и лисьим тропам оставил в стороне узкие, протоптанные буйволами и повозками дороги к черкесским аулам. Сельмен не доверял даже кабаньим просекам.

Но страха не было... Молодечество! Оно ещё бродило бодрящим вином по жилам молодого поручика. К тому же помноженные на опыт персидского похода и дружбу с Пшазо, выполнившего вместе с ним не одно деликатное поручение русского командования в Персии и Турции.

Многоопытному и бесстрастному Сельмену нравился этот русский, хотя этого старался не показывать. Нравился именно тем куражом молодого джигита, который когда-то светился и в его глазах.

Ветви деревьев и кустарников, то смыкались чаще, скользая по потным крупам, и сбивая с них пену яростной скачки, то вдруг расступались. И тогда у молодого поручика захватывало дух от бесшумного, плывущего скольжения лошадей по мягким узорчатым коврам папоротников, устилающих землю под кронами огромных раскидистых деревьев.

Боже! Как захотелось Траубэ прошлепестать иноходью по этому великолепию рядом с прекрасной наездницей княжной Анной! Увы! Но следовало признать — ему так и не удалось оставить эту колющую сердце боль там, за горизонтами двух лет персидского похода.

И где ж ещё забыть от горечи личного, как не здесь, на границе мира и войны, за заботами об Отечестве и выживании? Ан, нет! — скребёт кручина. И должно ли надеяться на молодечество и кураж рискованных «вуаяжей» за Кубань, чтоб залечить душевную рану? Этого он и сам не знал. Но всё ж судьбе дерзил.

Пройти по враждебным территориям до самого моря, впервые увидеть своими глазами черкесское побережье с суши, а не с линкора адмирала Лазарева, да ещё и вернуться живым назад — это ли не праздник души и то самое судьбе дерзание!

И всё для того, чтобы найти подходящее место для конфиденциальной встречи генерала с черкесским князем... подальше от глаз турецкого паши. Надо же остановить волну разбоя и грабежей, прокатывающуюся по прикубанским аулам и поселениям

Владимир Кирпильцов НАМ — ДОГОНЯТЬ СОЛНЦЕ...

(Отрывок из романа «Мытари и всадники»)

казаков то с одной стороны Кубани, то с другой. А тут ещё эта разбойничья ватага из каких-то турецких, польских и бог знает ещё каких контрабандистов, наёмных черкесов и даже беглых русских, ворующих и торгующих живым товаром за море. Она внезапно появлялась и также быстро уходила на побережье моря с пленниками-ясырями. Там, за перевалом, без черкесских влиятельных пши и уорков их не достать. Надо договариваться, как вместе избавиться от неё и торговцев живым товаром.

Сам генерал не приветствовал жадного стремления Траубэ к контактам с черкесами за Кубанью, а его страсть к пониманию «адыгэхабзэ» — черкесского этикета, определяющего многое в их мире, полагал излишним баловством для офицера. И всё ж душою благоволил отчаянным предприятиям поручика, весьма полезным для безопасности русских укреплений.

К тому же Траубэ очень быстро освоил несколько местных наречий, упрощая тем переговоры с обидчивыми черкесскими узденями — князьями и дворянами. А это было так важно здесь, в причерноморье, где черкесское «наездничество» на русские поселения, а проще — набеги, чередовались прошениями адыгских общин-хаблей о переселении с турецкой территории на русскую сторону, и даже совместными походами на абадзехов, частенько попирающих адаты — неписанные горские законы. Поди — разберись во всём том военному-то человеку. Нет, при Аустерлице, хоть и проиграла французам, но всё ж было понятно для генерала.

Пена уже клочьями слетала с выносившей лошади Сельмена, но он настырно вёл вверх, давая знаком понять — конец подъёму близок. Его чуяли и лошади, надрывая жилы в последнем броске. И всё ж перевал выпрыгнул на них неожиданно, раскрыв ветвями бескрайнее небо над обрывом с кривыми обветренными ветвями и орлиными гнёздами на самой круче. Да и сами орлы тревожно парили уж не вверху, а ниже — в ущелье.

Поручик ожидал увидеть море и нечто подобное хорошо знакомым ему крымским черноморским красотам. Но...

— Пречистая Богородица! — вырвалось из груди Траубэ благодарным удивлением смущённого духа русского человека, открывшего для себя неповторимость и неизъяснимое очарование берегов восточного причерноморья. Тут всё было по-другому.

Вниз уходили пирамиды гор. Нет и в помине скал и каньонов Ай-Петри и Бахчисарая, устремлённых голыми пиками в небо. Вершины и даже самые крутые обвалы и жёлто-серые скалы, причудливо кудрявились, округлыми правильными формами черкесских шапок. И это всё вместе благородными обрамлением усиливало синеву моря, поджариваясь слегка яркой желтизной скал, отражённой в ультрамарине.

Всадники остановились, на секунды забыв о времени. Над ними — лишь облака и солнце мощными мазками света ежесекундно творили новые и новые шедевры живописи. От калейдоскопа сменяющихся картин невозможно оторваться.

Даже ресницы невозмутимого Сельмена дрогнули гордостью за свой край, за восторг русского, прозвучавший именем самого святого для них материнства. Не экзотика, а привычные с детства горы собственно и были для него ощущением своего дома, ежедневной заботы о хлебе насущном в семье, которой его лишили один из местных князей и его дворяне-уорки.

Траубэ знал историю присяжного лазутчика. С благоволения паши между двумя родами разгорелась междоусобица, в которой погибли гордый и неуступчивый отец и старший брат семьи Пшазо. Уорки думали легко откупиться от кровной мести. С повеления князя старший в семье Сельмен должен был принять щедрую пеню за убитых. Но четырёхста коров так и остались за оградой подворья семьи Пшазо. Сельмен послушался воли князя и не стал прикасаться к соску матери убитца, как это было положено, дабы умириться с родом кровников.

И тогда... Канлы! — это страшное слово, означавшее резню до полного уничтожения рода, повисло между двумя семьями. В ночь после похорон отца в дом Пшазо ворвались унару. Те пришли издалека, из-за Псоу, и лиц своих не прятали. Просто никого не оставляли в свидетелях. Они несли либо смерть, либо участь раба унауга. То был особый род хищников, тайно прокрадывающихся в чужой аул, чтобы грабить и, вырезав или забрав в плен даже младенцев, скрыться. Никто из соседей не рискнул прийти на помощь к Пшазо, непримиримому с князем. В живых чудом остался лишь Сельмен. Остался один на один с пониманием — кто именно нанял унару.

Его многодневное терпение в засадах у ружья на треноге, тщательно выстроенного на неминуемую смерть обидчиков и нацеленного на тропу его неуёмных ожиданий мести, было вознаграждено. Все, кому положено умереть от его пуль, умерли. Умер от горя и коварный князь, потерявший своих сыновей. Но это так и не остудило жара и боли потерь.

Да и сама его община Гуайе, строптивая уж тем, что жила только своими богами, вопреки паше и без князей — всё редела и редела. Хабль умирал. Одиноким хиджретом, преследуемым уорками, он тоже не стал. Не захотел. Хотя слава о его удали, покарвавшей убитца, уже жила в народе. Да разве пашу и князей этим уязвишь?

Он ушёл с бжедугами на русскую территорию. Здесь у черкесского сотника Ханука, служившего русской армии, и нашёл своё место умелого и терпеливого лазутчика, виртуозно исполнявшего немисливо дерзкие поручения. На том поприще и сошлись с поручиком Траубэ.

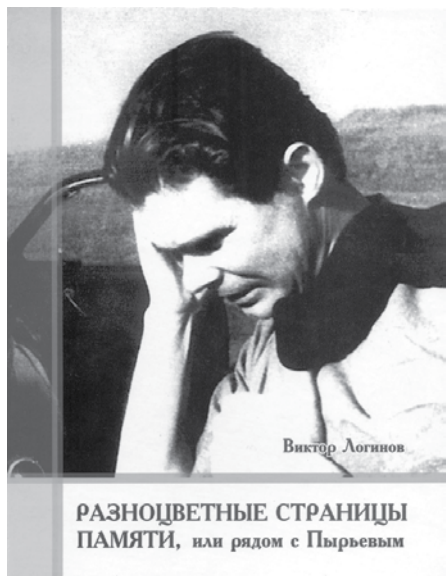
Сегодня был именно такой день, когда надо послужить праведному делу, дабы найти и наказать эту банду «чёрных башлыков», добычей которых стали и русские, и черкесы. И главное — женщины, которых в селениях русских и так было крайне мало. Отмщение за их кражу уже гудело набатом в душах казаков предтечей страшной, кровавой и безумной мести ни в чём неповинным аулам. Надо было спешить.

И Пшазо торопил, показывая влево: — Там Суджук-кале. Затем, вправо, вслед за уходящим светилком. Там паша и крепость Анапа. Нам — направо, догонять солнце.

— Нам направо, догонять само солнце! — повторил на русском Траубэ, дивясь простоте и поэтичности фразы черкеса. Тогда он ещё не разучился удивляться, умел властью восхищаться, и не знал, что время «испытывать удовлетворение от увиденного», и не более, уже не за горами.

КНИЖНЫЙ МИР

РАЗНОЦВЕТНЫЕ СТРАНИЦЫ
ПАМЯТИ, или рядом с Пырьевым

Виктор Логинов

РАЗНОЦВЕТНЫЕ
СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ,
или Рядом с Пырьевым

(отрывок из книги)

На Казанском вокзале я взял такси.
– Пожалуйста, на «Мосфильм». Шофер покосился на меня и спросил:
– Что, сниматься? Я смутился.
– Да нет, сценарий везу.

Шофёр, краснолицый малый с выпяченной грудью, неопределенно хмыкнул в ответ и включил зажигание. Я рассчитывал на продолжение разговора, но этот упитанный крепыш как в рот воды набрал. «Ну-ну», слышалось мне в его пренебрежительном молчании. Человек, везущий на «Мосфильм» сценарий художественного фильма, шофера абсолютно не интересовал. Мне стало как-то не по себе. И я впервые, кажется, подумал, что взялся не за своё дело.

А между тем я вёз не законченный сценарий, а лишь первые сцены: каких-нибудь 25-30 страниц. Весь же сценарий, по моим расчётам, должен был составить страниц сто пятьдесят. В общем, вся работа была ещё впереди.

Ехали мы долго. Впрочем, и расстояние было немалое – от Комсомольской площади до Мосфильмовской улицы – почти через всю Москву. И к концу пути, когда показался высокий забор киностудии, я совсем спик. К тому же возле проходной творилось что-то невообразимое: проходную штурмовали молоденькие девушки, одна привлекательнее другой. Ничего подобного я ещё не видывал.

Через минуту стало ясно, что пробиться сквозь толпу разъярённых красавиц я в ближайшие часы не смогу. А, между прочим, меня ждали ровно к двум, то есть через полчаса.

И вдруг подкатила и остановилась рядом «Волга» с шашечками на борту. Выскочивший из неё парень с тонкими усиками, в шуршащем болоньевом – очень модном в то время – плащике до колен явно спешил. Я рванул за ним и буквально схватил за руку. Он чуть было не споткнулся.

– В чём дело?!
– Помогите... Я по вызову!

Рассерженный парень посмотрел на меня непонимающе, а потом, видимо, сообразил, в чём дело.

– К кому?
– К Пырьеву.

– К кому-у? – вроде не поверил он. Я повторил фамилию знаменитого режиссера и, чтобы подтвердить сказанное, протянул телеграмму, которая начиналась весьма интригующе: «Дорогой Виктор Николаевич...»

– К Ивану Александровичу? – в голосе парня мне послышалось что-то среднее между испугом и благоговением. – Вы его сценарист?

Я уклончиво ответил, что везу сценарий.

– Так что же вы?... А-а-а! Это мы сейчас, – теперь он схватил меня за руку и поволок за собой.

– Девы-ы! Тиха-а! – взревел его зычный голос. – Слушай сюда быстро! Дорогу члену художественного совета! В сторону! Прекращу приём! Освободите дорогу!

Сквозь толпу обомлевших дев мы прошли, как нож сквозь масло. И я опомниться не успел, как очутился возле одного из окошек пропускного бюро. Услужливый парень постучал в окошко пальцем.

– Пропуск... Как ваша фамилия? Ах, Логинов! – воскликнул он с таким видом,

И. А. Пырьев, И. Л. Биц, В. Н. Логинов (слева направо)
на железнодорожном вокзале в г. Краснодаре

будто моя фамилия ему о чём-то говорила. – Пропуск для сценариста Логинова к Ивану Александровичу.

Оказалось, что пропуск был заготовлен заранее.
Мы прошли во двор, и я спросил, что это за «девы» толпившиеся у входа.

– А-а!.. – пренебрежительно махнул рукой мой спаситель. – Шалавы московские. Рвутся на массовку, нужно всего десятков пять, а их тут чуть не тысяча.

Он исчез за углом, а мне предстояло обогнуть громадное круглое здание и идти дальше: ровно через двадцать пять минут меня ждал сам Пырьев. Скоро я увидел высокие, распахнутые настежь ворота.

Странное зрелище предстало передо мной. Посерединке громадного, размером с небольшую площадь помещения без потолка догорал костер, ярко алая раскалёнными угольями. Вблизи него лежало нечто похожее на гигантскую сковороду. Это и была сковорода. В ней лежал человек.

Впоследствии я узнал, что сковорода именно для этого и предназначалась. Но в тот раз я и подумать не мог, что на этой сковороде собирались поджарить человека. Так я впервые столкнулся с обыкновенными киношными чудесами.

Есть выражение – глаза разбежались... Моё состояние вполне соответствовало этому: взгляд лихорадочно перебежал от костра и сковороды к кучкам диких взлохмаченных людей в звериных шкурах, от дикарей к странной машине, похожей на подъёмный кран, на конце стрелы у неё была прикреплена люлька, в которой кособоко сидел человек с кинокамерой в руках и что-то кричал, обращаясь к другому человеку в длинном свитере, стоявшем внизу, причём, он поминал черта и даже чью-то мать, насколько не стесняясь дикого народа. А в углу справа стоял шахматный столик. Над ним склонились двое: один – в шкурах, другой в обыкновенной одежде цивилизованного человека. Первого я узнал сразу – это был актер Папанов. Недавно по телевидению крутили какой-то фильм с его участием. Второй, сухощавый на вид, горбоносый, мне был не знаком. Этот актер стал знаменит несколько позже. Фамилия его – Юрский.

На меня никто не обращал внимания, и я стал потихоньку продвигаться вперед. Изумление мало-помалу проходило. Я

понял, что нахожусь в павильоне, где снимается новый фильм. К концу дня я узнал его сценарное название – «По ту сторону радуги», в кинотеатрах его крутили под названием «Человек ниоткуда».

Не знаю, сколько минут я пребывал в состоянии волшебного очарования. Очнулся, когда из мегафона прогремело: «Внимание! Кончай перерыв!» Трубную команду подали вовремя: на моих часах уже было без пяти два пополудни. Чтобы выйти из ворот, нужно было пересечь весь павильон. Я решил сэкономить время, предположив, что двери слева от входа ведут туда же, во второе творческое объединение, и юркнул в одну из них. Из полутемного помещения вела лестница вверх. Я взмошел и очутился в длинном безлюдном коридоре. Здесь было много дверей. Ткнулся в одну, другую – они были закрыты. Прошёл до конца коридора и только там обнаружил открытую дверь. Но она привела меня в такой же длинный и безлюдный коридор. Я пробежал по его мягкой дорожке из конца в конец – все двери были на запоре. Время поджимало. Я был в отчаянии.

И снова помощь пришла совершенно неожиданно.

– Товарищ! – услышал я за спиной взволнованный голос и, обернувшись, увидел пожилого respectable человека в шляпе, почти бегущего ко мне. – Не подскажете, как попасть в съёмочный павильон? – спросил он.

– А вы не подскажете, как пройти во второе творческое, к Пырьеву? – с надеждой осведомился я.

– Конечно, подскажу.

Через минуту я поднялся на этаж выше и попал в мир обетованный. В таком же длинном коридоре было шумно. Трое седовласых старцев, один с трубкой во рту, громко спорили возле одной из дверей. Куда-то спешили девушки с кипами бумаг. Женщина в белом нежном халате, явно официантка, что-то несла на подносе, покрытом белой салфеткой...

Телеграмма, которой меня вызвали на «Мосфильм» была подписана тремя буквами: «БИЦ». Я подумал, что это аббревиатура какого-то московского учреждения. Оказалось, что Биц – фамилия. Телеграмму подписал Исаак Львович Биц, pyrьевский администратор, будущий директор кинофильма «Наш общий друг».

Он-то и встретил меня в комнате, указанной в телеграмме. Сидел он с двумя телефонными трубками в руках. Причём одну трубку он ловко прижимал к плечу подбородком, прикрывая микрофон ладошкой. Во вторую чеканил с краткими перерывами, резко, отрывисто: «Иван не хочет. Иван не будет. Иван заставит». После третьей фразы трубка легла на рычаг. Строгое выражение лица сменилось оживлённым, почти игривым. Ясно было, что на другом конце провода – женщина. Я запомнил лишь последние фразы: «С нетерпением ждём автора. А вот, кажется, он и прибыл!» И ко мне из-за стола, излучающий удовольствие, энергичный, лёгкий, как пташка, выпорхнул. Таким он и остался в моей памяти: любезным, но не до приторности, очень подвижным, но не суетливым. Энергия у него не расплывалась через край, он мог быть и медлительным, вальяжным, а когда нужно было – весь кипел и даже, кажется, разбрызгивал искры.

Кабинет Ивана Александровича Пырьева был рядом. Подведя меня к двери, Исаак Львович остановился, постоял секунду-другую, как бы накапливая решимость, глубоко вдохнул порцию воздуха и постучался. У меня дрогнуло сердце. Никогда не робел, входя в кабинеты к начальникам, даже дерзко входил, а тут, что греха таить, струхнул: испепелит меня Пырьев одним взглядом!..

Между тем, не дождавись отзыва, Биц распахнул дверь и легонько подтолкнул меня в плечо.

– Иван Саньч, к нам гости!..

Сначала меня поразил размер кабинета. У первого секретаря крайкома кабинет был гораздо меньше. Лишь затем я увидел высокого стройного старика, который с улыбкой Бица на лице, шёл ко мне по ковровой дорожке.

– А-а-а-а!.. – умиленно запел старик, разводя для объёма руки.

Это был он, Иван Александрович Пырьев, папа Пырьев, совсем не страшный, скорее – странный.

И всё же он меня перепугал в тот раз.

Биц незаметно исчез. Пырьев усадил меня в кресло, но сам не сел. Рассаживая по кабинету, самозабвенно, другого слова не подыщу, стал объяснять мне, какую картину он хочет поставить по моей повести. По его мнению, это должна быть народная картина, понятная народу. В меру весёлая и в меру грустная. Лирическая, подчеркнул он несколько раз. Яркая, цветная. Так он развивал свои взгляды, наверное, с полчаса. Но вдруг почти упёрся лбом в стену кабинета, остановился и умолк, будто потерял мысль. Прошла минута. Пырьев стоял, повернувшись ко мне спиной, и молчал. Прошла ещё минута. Пырьев всё стоял молча. Замер, застыл. Секунды тянулись всё медленнее и медленнее. Мне стало не по себе. Где я? Куда попал?! А Пырьев молчал и не шевелился. Меня стал охватывать ужас. Ещё секунда – и я рванул бы прочь, в коридор, к людям, к Бицу. Слово почувствовав это, Пырьев, наконец, ожил и снова зашагал по кабинету. Уф-ф!..

– Ну и как? – спросил Биц с пылливой смешинкой во взгляде.

Выслушав мой рассказ, рассмеялся и сказал:

– Знаменитые pyrьевские штучки! Он вас испытывал. А вообще-то он великий актёр. Играл. Ещё и не то будет, имейте в виду! За полтора года нашего знакомства Пырьев проявлял себя по-разному. Всяких «штучек» было много. Но чаще других теперь вспоминается первая. Биц мне сказал тогда, что не все выдерживают испытание pyrьевским молчанием. Якобы не выдержал Николай Крючков, вылетел от Пырьева как ошалелый. Я же выдержал. Разумеется, случайно. И это пошло на пользу: ничего подобного Пырьев больше не позволял. Впрочем, играл, конечно. Глядя на него, играли и все остальные: Биц, его помощники – администраторы, артисты. Все играли и подыгрывали. Это был театр. Какой это был театр! И в этом театре главным актёром, гениальным актёром был, конечно, Иван Александрович Пырьев.

Кстати в первый же день я понял, что на лице у Пырьева всегда играла своя улыбка. Это Исаак Львович Биц ходил иногда с улыбкой Пырьева на лице.

КНИЖНЫЙ МИР

«Бонус» Н. Ивеншев. г. Краснодар, 2010, Флер-1

(Отрывок из книги)

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой Настя Лукина проявляет свои противоречивые черты характера

Никак не могу до сих пор привыкнуть к тому, что она у меня есть. Это существо я хоть и ревную к каждому телеграфному столбу, и ругаюсь с ней вдрызг, и корю ее, и, как старый пень, а разница в годах у нас всего пять лет, читаю ей нравоучения, но без нее не могу. И хоть стараюсь следовать пушкинскому «чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей», но как-то не очень получается. После бурных ссор, она тиха «как украинская ночь». И наши ласки, начавшиеся дэменуэнде, вдруг приобретают такой крещендовский характер, что черти в аду переворачиваются. Наша страсть как раз-то и закипает от этих случайных и опасных ссор. Я не оговорился. Опасных! Потому что Настасья в период нашей дикой влюбленности однажды жахнула меня пустой бутылкой из-под итальянского вина «Гикало аморе», что значит «Крохотная любовь». Просто итальянцы оказались скупыми и стеклотару сделали тонкой. И поэтому-то я копчу белый свет уже тридцать пять годочков. Настя опасна во многих своих проявлениях. Но если бы не было этой опасности, то как был бы тускл и занудлив мир.

Хлопнула дверь. И тут я почему-то подумал, что греческие женщины, не желавшие беременеть, вкладывали золотую монетку к себе в устье матки. Какой Асклепий это делал? Именно вот такую маленькую монетку, которую я сунул в карман своей рубашки.

Настюшка была оживлена и раскидывала по полу прихотливой целлофановые оклунки со съестными припасами:

– Я заняла у Крайновой, у Жанки. Ей-то ничего. Она буржуйка, потерпит. А тут, глядишь, и получу за этого оболтуса. Не может подлежащее от сказуемого отличить, зараза, так бы по башке и треснула.

– Зачем заняла. Я бы сам... – Я подошел и по-телячьи ткнулся ей в щеку, – вот, задаток получил...

Мой странный язык сочинил все сам. Не мозг, – язык. Ему, видимо, первому есть-то хотелось.

– Задаток?... – Она не понимала.

Я продолжал врать.

– От «Эксно»? – Какого еще «Эскимо»? Что ты чушь говоришь?

– Из издательства перевод пришел. Я, сволочь такая, корешок от радости в почтовую урну кинул. Теперь мы – Крэзы...

– Шизики что ли? Поподробнее. Не мельтеши.

– Богачи. Бо-га-чи. Настенька, этого тебе я не говорил... Ну вот... Тот роман, который мы задумали, не пошел... Он разваливался и от него, только не обижайся, уже падалось несло... Я тот роман сжег... Вернее, как? Нажал на «ОК» – «удалить». И мигом смыло. Элементарно. Как будто с сердца груз скинул. Укокошил, чтобы этими тугими, дутыми, силиконовыми грудями не воняло. Короче, я начал новый роман... Про чего не скажу... Не проси. Нет, нет и нет. Суеверен, Настя. Как дикарь суеверен. Папуас, Миклухо-Маклай! Ну вот, значит, отправил в издательство «Эксно» резюме, дайджест будущего романа. И кусок текста. И вот, нате вам: привет от Барсика. Вначале пришло письмо от редактрисы. Спокойное, деловое, рассудительное... Ох, они синие чулки там, но у-у-умницы, раскусили все. Письмо, деловой тон. Но для меня – это музыка, Милий Балакирев! Вот как. А потом и почтовый перевод на зную сумму для поддержки штанов.

От кого я научился так ловко врать? От компании канадцев-пеликанов, то бишь, носорогов? Может, и от них.

– Здорово! Здорово!

– Вот так, ё комбат, мой золотенький!...

Я научился врать от «Золотого осла», от телефонной трубки, которая слала мне свои бонусы, от ООО «Поиск», от себя самого.

Ну и что? Мир от этого не меняется. Он лжив и паскуден, и все же мил.

Мир врет своим яйцеклеткам. Они-то надеются, что с ними навсегда соединится этакий упругий горячий живчик. Ан, нет. Тут золотой щит на стреме. У устья. В форме монеты Византийской империи: «Не выйдет, милейший. Ать-два, бейджики на белоснежных рубахах: не пустим к Анастасии Филипповне, она занята-с. У нее визажистка-массажистка».

– Что это ты задумался, – воскликнула моя Настасья Филипповна – натуральная, а не яйцеклетка, – дуй на кухню. Будешь мне помогать...

– Нет, – твердо и тоном записного ёры отреагировал я. – Надоело все. Давай засунем эту твою снесь, эту дичь, купленную на деньги заимодавки Жанки Крайновой, и сами двинем в ресторан «Гурьевский»

– Кашу лопать!... Овсянку. И-го-го! – повеселела.

– Да ну, «Чинзано» давить себя. Предадимся страстям. Ох, и страсти-мордасти у нашей любимой Лукиной Насти!

Она сверкнула зрачком. И пошла «крутиться», краситься, шик-блеск наводит.

– Как ты сказал? Змедавки?

– Заимодавки.

В ресторане «Гурьевском» пахло ладаном. Попы добрались и сюда. Видно, днем что-то освящали.

Николай ИВЕНШЕВ

БОНУС

На приступке-подиуме группа пожилых балалаечников (прямые волосы, масляный пробор) наяривала что-то древнерусское, но с синкопами из ансамбля Doors. Их руководитель, точная копия харизматического старца Григория Распутина, был в роли дирижера. И он постоянно оглядывался на зал, как бы лоя подтверждение: правильная ли музыка звучит.

У официанта же было лицо культового писателя японца Харуки Мураками. Или нашего Виктора Цоя.

«Цой-Мураками» принял заказ. «Чинзано? – ага». – «Жульен от жуликов», – улыбочка. Понимает шутку. – «И что-нибудь накрошить! Этот салат... Ммм... Из ммм... мидий!» – Принес тут же. Как в Японии.

Моя Настенька была здесь лучше всех. И хоть рядом с тушами и скелетами, в кошельках которых теснилось золото и серебро, демонстрировали себя красавицы из журналов, моя «настурция» была лучше. От нее и пахло раритетными ландышами. Не формулой ландышей, а живыми цветами. Она ела и пила, но при этом могла опять с цирковой прытью радоваться:

– Вот стану я знаменитой оттого, что ты знаменит, – короткий взгляд в мою сторону, – ох, что мы тогда будем делать?!

Она потянулась, словно вот-вот станет знаменитой, и на плечах у нее – золото-парча.

– Что мы будем делать?...

– На Канары?... Куда еще...

Второразрядные Канары показались и мне тогда, – я вошел в ее мечты, – чем-то вроде хутора Чебур-Голя, тухлой водицей и ражей жабой.

– Зачем на Канары?! На Луну, на Марс! На Галапагосские острова, к бакланам.

– Дурень, – сказала она. – Осел!

– Но золотой...

– Золотой мой, – вздохнула она, – а знаешь, я и не знаю, чего хотеть. Вот в детстве я хотела лакированный пояс, как у Маришки Савиновой. Блестящий, черный. Он мне снился два раза. Хотела год, хотела два, потом переросла и так сама себе подумала: «Зачем? Глупо».

А потом замуж хотела, скажи глупо, да!.. Хотела замуж в седьмом классе, в одиннадцатом, и потом еще хотелось. Но вот вышла и...

– И что?...

– А ничего. Хорошо, но как-то... Давай перейдем на другую тему, ты ешь, ешь свой жульенчик... Вот! Ты уже и стал модным писателем.

– Но это ведь не модный певец, глупенькая!

– Все равно здорово!... Я ведь знаю, что писатель писателю – рознь. Иные есть, от земли. Я – учительница литературы, знаю. Так эти все за народ, за народ пекутся. Над любой копеечкой дрожат, а сами за народ. Скупердяи, и то, что они едят, так же скучно, как их серые пиджаки и

рубахи-косоворотки. – На нас оглянулся Распутин. – Хуже этого.

– В чем-то ты права. Но не в глубинке...

– В глубинке угнездились, мой милый, вот такие, которые делают жизнь. Они в этом теперешнем мире, как рыба в воде. И продукцию свою штампуют на потребу. А как же! Нужна зубная паста, пожалуйста! Нужен роман покруче, хоть сто порций. Ваши денежки, и любая блажь.

– Настыка, ты ведь так не думаешь?

Жена хитро улыбнулась:

– Порой так думаю, так. Я ведь вся насквозь советская, вот сейчас закажу песенку, так все попадают. С кресел своих бухнутся. У-у-у – хочешь, закажу? Давай деньги.

– Закажи!

– Да вот. Мне горько, я ведь все советское люблю: справедливость, коллективизм, песни у костра «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Эх, вот романтика, так романтика. Батя мой рассказывал, как он со свиданья возвращался. Один по всему городу Волгограду. Никакая собака не тронула. Все собаки улыбочивые. Вот – социализм! Плачь Сен-Симон в компании с Кампанеллой. Но, но порой, горько мне, осознаешь. Все, конец, Атлантида под водой. Нет брандспойтов, нет пожарных, да и где она, та Атлантида? Эти ведь буржуи-то – бывшие комсо-мольцы. На хамсу теперь молятся. Хамсо-мольцы. На шестственное. Чего только не производят, чтобы барыш сбить!

И ведь знаешь, я к ним пошла, помнишь? К канадцам-разбойникам.

Олег тот, Иваныч, по молодости работал заведующим сектором учета в горьком комсомола. Перевертыш, как теперь говорят!..

Настя встала, ох какая у меня жена, скромница... И скромница дрессированным шагом светской львицы поплыла к ансамблю балалаечников. Оказывается, у них был и певец, тот самый официант с лицом то ли Виктора Цоя, то ли Харуки Мураками.

Она – артистка круче меня. Пальчик крючком – поманила дирижера. Тот вскинул свои набриолиненные волосы. Потом что-то стал говорить Насте. Вроде отказывался. Пожимал плечами. Потом в их разговор вклинился Цой. Настя еще вынула из своей сумочки и той же голливудской походкой вернулась к столику. И оркестр балалаечников с теми же синкопами из битловской или дортсовской музыки загремел. Откуда барабаны и трубы? Сакс. Лабухи грянули:

«И вновь продолжается бой,

И сердцу тревожно в груди.

И Ленин такой молодой,

И юный Октябрь впереди».

Я увидел, как теперь говорят, в режиме реального времени, как поднялись плечи скелетов, как подтянулись бурдюки толстосумов, как построжили их лица. Это длилось меньше минуты. Куплет повторялся. Но лица скелетов и борцов делались скептическими, в них пробивалась ирония и какой-то подхваченный кураж, будто они смотрели юмористическую передачу с участием всех смеячей РФ. Зато физии их подруг были брезгливыми, словно им за шиворот всем враз накидали мерзких лягушек:

– И Ленин такой молодой! – неистовствовал Харуки Мураками. – Настя хлопывала ему. – И юный Октябрь впереди!

На наш столик оглядывались. Забава понравилась и худым, и толстым. Они поднимали свои фужеры, и что-то даже говорили. Радовались шутке.

– Пойдем отсюда! – сказала Настя. – Это ведь я тебя вспомнила. Ты ворвался к нам с книжкой и крикнул: болтуны вы все, проходимцы и бандюки.

– Это было?

– Это было семь лет назад. – Число русское, роковое.

Мы поднялись. Зал еще не успел остыть от песни. Харуки, японский менеджер, принял все мои денежные бумажки с лицом триумфатора. Он мне понравился. А ведь, вероятнее всего, китаец или калмык, канаящий под японца. Все так. С масками в постель ложатся.

Но вот: так, да не так. Настя не такая.

И в сквере, после того как я постоял на часах, а Настя присела за темным обвисшим каштаном, я хотел ей сказать... Я хотел ей открыть всю тайну. Рассказать о деньгах, найденных в томе Апулея, о бонусе телефонной сетевой компании, и, наконец, ООО «Поиск», и о... о милорадовом наследстве. Я уже заикнулся, увертюрой ввернув фразу «А знаешь, откуда эти деньги?»... Но в сумраке, за другим каштаном, вздыбленном, я отчетливо увидел украинский вихор и, черное, как деготь, лакированное копыто. Они меня предупреждали: «Забудь пока! Замри. И никому не рассказывай. Даже жене. Всякое может быть, и ограбят, и в службу безопасности заявят, и телефонный разговор подслушают. Мир теперь весь на прослушке. Сплошное «шай-гу». Никому не болтай. Болтун – находка для шпионов... А так, если не сболтнешь, вечно будешь нежиться в миндальном шоколаде. А, Сан Саныч, не сболтнешь? А не то... Хохол свирепо гаркнул: «А не принести ли, сынок, розог?»

Было ли все это? Но вот деньги....

– Так что ты хотел сказать?...

– А? Да... Я хотел сказать, что это только «Эксно» такая щедрая фирма. Остальные готовы сдрать с автора семь шагреновых шкур, а заплатит двугривенный.

– Система такая, рабовладельческая, что ты хотел?

– Хотел, чтобы в этой рабовладельческой системе ты была моей наложницей!

– А ты рабом. Этаким Спартачищем!

Поэзия

Зинаида Катуржевская

Кубань-река – и жизнь, и мудрость...

Среди древних курганов, предгорий, холмов,
Низкорослой травы и осенних туманов
Серебрится река меж крутых берегов
По просторам равнин до приморских
лиманов.

То, играя, камнями гремит среди скал,
А то ласково что-то прошепчет под вечер...
Как страницы судьбы ветер волны листал,
В набегавших строках мудрый смысл
быстротечен.

И станицы прильнули к святым берегам
От истока до самого устья,
Поклоняясь реки материнским снегам,
Расцвели со времён захолустья.

Никаким временам не подвластна река,
Молода, сколько б лет не промчалось...
А на гребне волны шелестели века,
Приоткрыв только самую малость.

Помнит земля...

Есть в широком поле обелиск,
На семи ветрах родной земли.
Потемнел когда-то солнца диск –
Здесь сыны Отчизны полегли.

Приняла их матушка-земля,
И ковыль печально шелестел.
С той поры просторные поля –
Вечная героям колыбель.

Тишина пришла в степную даль,
Где слезою падает роса,
И уже гудит не танков сталь,
А грохочет летняя гроза.

В день Победы алый горюцвет
Землю приукрасил, и окрест –
Марш победный пробудил рассвет,
Словно здесь бойцам играл оркестр.

На закате праздничного дня
Головы к земле цветы склонили.
О солдатах помнила земля,
Травы росные их не забыли...

Мелодия весны

Мелодией весны,
чуть слышно уловимой,
Летел хрустальный звон
над снежною долиной.
В морозном воздухе летел
до перелеска –
На белой скатерти зимы цвела пролеска.

Прикосновенье лепестков
струны прелестней,
Звенели льдинки на ветру
наивной песней,
И восхищённые снега
сияли блеском...
На белой скатерти зимы цвела пролеска.

Я ЖИЗНЬ ПО- ПРЕЖНЕМУ ЛЮБЛЮ!
(Из новой книги Владимира Архипова
«Поговорим о любви»)

ЖАРКОЕ ЛЕТО 2010 ГОДА

Нет спасенья бедным и богатым,
Долгий зной подобен палачу.
Я давно не выражался матом –
Трёхэтажным выстрелить хочю.

Но жара страшнее пистолета –
Всё живое никнет на земле.
Люди – и разуты, и раздеты –
Как пельмени, варятся в котле.

Неужель грехи людского рода
Разрывают и земную твердь?
На страданья матушки-Природы
Не могу безропотно смотреть!

Полетели листья на дорогу,
На поля, на таинство могил.
Я бы тоже сгинул раньше срока,
Если б я вас, грешных, не любил!

**НА ДАЛЬНОЙ СТАНЦИИ
АМУРСКОЙ...**

От Москвы до Большого Невера
Ходят волны дикого клевера.
От Москвы и до самого Тихого
Поезда, как будильники, тикают.

А в Большом, но дремотном Невере
Я грущу в привокзальном скверике.
Край амурский, сквозные дали
Много разных людей видали.

Кручи рек и леса поджарые
Помнят песнь казака Хабарова.

И Лазо помнят эти сопки.
Он сожжён в паровозной топке.

Будьте прокляты интервенты!
Вот он, в сквере, – на постаменте!
Только славный герой в обиде –
За репейником он не виден.

Здесь когда-то и я с друзьями
Пел про звонкие рельсы БАМа.
О как были отчаянно молоды
Наши души с распахнутым воротом!

Нет, за молодость нам не стыдно –
Мы построили БАМ и Тынду!
Нет, не зелено то, что молодо –
Дали уголь, руду и золото!

Сколько лет в горделивом Невере
Билось сердце русского Севера!
В шумной Тынде и славном Невере
Мы Отчизне, как матери, верили.

Но случилось: до самого Невера
Снова духом чужим повеяло.
Но случилось: героико-романтики
Стали лишними, словно фантики.

Здесь, где мы распевали о счастье,
Бомжеватые типы шастают.
Даже в облике типов странных
Тень забвения и дух бурьяна.

Прорастает моя эпоха
Всяким разным чертополохом.
Но стучат – и на том спасибо –
День и ночь поезда Транссиба.

Шепчут губы в забытом Невере:
«Я в Россию,
В Россию верую...»

БЕГУЩИЕ ИЗ МРАКА

*(Встреча в Армавирской
школе для слепых)*

Осенний ветер колется.
Осенний холод крут.
На стадионе школьницы
Бегут за кругом круг.

Спортсменки молодые
Бегут неспешно в такт.
Они... Они слепые,
Для них дорожки – мрак.

Сказала мне девчужечка
Задорно и светло:
«Переднего бегущего
Я чувствую тепло!»

Их не собьёшь с дорожечки!
Пусть мрачен день и крут,
Они, как по верёвочке,

Тепло передают!
Живём мы в диком мире.
Рванём же сквозь толпу –
И к свету, и к теплу! –
Хотя бы в Армавире...

ЖЕНЩИНА В ФЕВРАЛЕ

Одиноко на улочке.
А идёт – на улыбочке.

Нет грустней на земле
Той улыбки таинственной.
Где-то ходит во мгле
Одинокий, единственный.

А толпа весела,
Что-то тренькает, празднует.
А земля-то мала,
Только улочки разные.

А на улочках – дрожь,
Толкотня, гололедица.
Может, он и хорош,
Только где же он встретится?

Жизнь – она коротка.
Тонкой свечкой качается.
Ни звонка, ни гудка.
И зима не кончается...

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

По сердцу мужскому,
Мосточкам и лестницам
Стучат каблучком
Молодые прелестницы.
Непросто народу
От нежной погоды.
А дикторы дружно
Бубнят о разводах.
Какие разводы,
Какие разъезды?
Мы снова с тобой –
Как жених и невеста!
Дай руку,
Моя дорогая отрада!
Как веет теплом
Из вишнёвого сада!
А, может, цветочным вином
Для влюблённых,
Что бродит весной
В закипающих кронах?
Пусть ветер весенний
И веет, и греет,
Кто любит и ждёт –
Никогда не стареет.
Всё в жизни, родная,
Реально, случайно –
На радость и боль,
На полёт и беду.
Целуются втайне,
Рождаются втайне...
Обнимем друг друга
У всех на виду!

Голоса России

Валерий ГАНИЧЕВ

**Итак, о русском
Воспрянула ли книжная «Россика»?**

– Пути духовного обновления русского народа и его движения к национальному возрождению.
– Русские соотечественники за рубежом.
– Роль России и русских на пороге XXI века.
– Вопросы физического и духовного возрождения нации.
– Вера и знание не антагонисты.
– Создание русской национальной школы.
– Защита русского языка – ядерная безопасность России.
– Проблемы богатства и бедности.
– Вера и труд.
– Права человека и неприятие греховности.

Действительно, как отмечено в «Доктрине», возрастает роль мировоззрения. И с самого начала деятельности ВРНС поставил как главный фактор – духовное возрождение нации.

Резко вырастает роль мировоззрения, способности придумывать и воплощать новое, продолжая лучшие традиции старого. Та цивилизация, которая разовьёт этот высший творческий ярус социально-общественной жизни, и будет доминировать. Общество, народ, люди наши отвергают хаос, беспредел, вседозволенность. Мы пострадали от этого, поэтому естественный вывод в Доктрине – успех будет сопутствовать тем, чья политика отличается наибольшей твёрдостью, жесткостью, упорством и последовательностью, а для нас – это государственность, которая включает в доктрину понятия: русский национальный характер. Я приветствую введение этой категории в решающий фактор созидания, и знаю, какой стон поднимается, как всегда, вокруг того, что обозначается как русское начало. А вот еще навскидку некоторые книги статьи, которые я прочитал в последний ме-

сяц. Вот человек верховных слоев власти, действительный государственный советник РФ I класса Модест Колеров выступил со своим докладом: «Либо Россия существует так, как она существует, в качестве империи или квазиимперии – либо ее не существует вообще. Другой России нет» (информационное агентство Regnum). Ну и, наверное, самый шумевший проект последнего времени «Манифест просвещенного консерватизма Никиты Михалкова. Известный профессионал в русском движении А. Севастьянов только что выпустил книгу «Уклоны, загибы и задвиги в русском движении». Надо вспомнить заметные книги профессора В. Соловья «Кровь и почва русской истории» (М., 2008), «Сб. «К ненашим» (составитель С. Семанов и А. Лотарева), книгу, открывшую дискуссию с либеральной стороны Н. Митрохина (книга «Русская партия»), выдвинувшего то ли от либерального страха, то ли как предостерегающую версию «О русской партии», которая якобы существовала и, не дай Бог, снова появится. (Продолжение следует)

Валерий ГАНИЧЕВ,
председатель правления Союза писателей России,
доктор исторических наук,
профессор

(Окончание. Начало на стр. 2)
Не прошло и 15 лет, как практикой жизни оно разрушилось, полетели во все стороны камня либерального высокоумия. Пришло время искать созидательную, объединяющую, вдохновляющую идею, обозначать её контуры и определять вектор всеобщего развития страны. Русская доктрина выросла не на пустом месте. Я постоянно пытался участвовать, присутствовать при всех созидательных мыслительных процессах, создающих схему и планы, стратегию жизни и движения державы, народа. Действительно, удалось быть в начале 90-х годов на Всероссийском конгрессе Аксютчица, Бабурина, Астафьева, на Русском Соборе генерала Стерлигова, на «Державе» вице-президента Руцкого, Собраниях Русских общин Дмитрия Рогозина. Наряду с болевым ощущением, потребности осмысления положения России немало там было и мифического, фантазмагорического, сказочного. Фактическую работу по воссозданию целостной программы русского народа, нашей державы с 1993 года ведет и Всемирный Русский Народный Собор. Действительно, провозгласив принципиальную цель, он стал собирательной и воссоздательной трибуной для русского народа. Вот темы Соборов и Соборных встреч:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЗАПАСНИК

Аристотель. В прозе многое ограничено, чего не скажешь о поэзии. В поэзии предпочтительнее невозможное, если оно убедительное, в противовес возможному – неубедительному. По этой причине поэт обязан говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости. Историк и поэт различаются не тем, что один пишет прозой, а другой стихами – ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли, в прозе ли! Нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой – о том, что могло бы быть. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном.

Геродот. Писатель-историк не пишет историю, он её отображает. Но так, чтобы народ понял, что вся предшествующая его история должна служить назиданием,

хотя бы для того, чтобы из человеческой памяти не изгладилась от времени деяния людей, как достойных подражания будущими поколениями, так и недостойных. Моя история, главным же образом для того, чтобы не было забыто, по чьей вине возникали между людьми войны или иные враждебные действия друг против друга. Но трудно называться историком, оттого, что общество не всегда правильно воспринимает историков, требуя невозможного – отображения прошлого, как хочет настоящее.

Клеобул. На мой взгляд, изложение истории требует ясного выражения, чтобы как можно нагляднее представить дело, не пользуясь ни непонятными и неупотребительными словами, ни обыденными и простонародными. Но такими словами, чтобы все понимали их, а особенно такими, которые не носят на себе отпечатки искусственности, в такой степени, чтобы они не

надоедали. Тогда язык делается похожим на хорошо приготовленное блюдо. А это я называю: «Язык держи в благоречии!»

Историк пусть не пишет, считаясь только с настоящим, в тайной надежде, чтобы современники его хвалили и почитали. Но работать, имея в виду всё будущее время, писать лучше для последующих поколений и от них добиваться награды за свой труд, чтобы и о нём говорили: «Это, действительно, был свободомыслящий человек, и пропитанный искренностью; в нем не было ничего льстивого и рабского, и во всем, что он говорил, заключается правда». Разумный человек это условие поставит выше всех предметов стремлений, которые так недолговечны.

Мысли историка пусть тоже не будут чужды поэзии, но соприкасаются с ней. Ты посмотри, насколько благородна и возвышенна сама история, в особенности, когда

писатель берется за отображения войны: имеет дело с военным строем, с битвами и морскими сражениями. Поэтому историк тоже нуждается как бы в дуновении поэтического ветра, попутного для его корабля, который будет гордо нести его по гребням волн... И всё-таки язык историка пусть не возносится над землёй, как это случается с поэтами: его должны возвышать красота и величие предмета, за который он взялся, но он не должен искать необычных выражений и некстати вдохновляться – иначе ему грозит большая опасность выйти из колеи и быть унесенным в безумной поэтической пляске. Историк надо повиноваться узде, сдерживающей страсти, помня: высоко парить и в речи представляет большую опасность. И ещё скажу: настоящий историк пусть пишет свой труд, будто он не имеет родины. Тогда сочинение у него получится честное!

Ведущий рубрики
Анатолий Ильяхов

СОБЫТИЕ

Анна Вартанян

КОЛОС

Пшеничный колос у меня в руке,
Чуть-чуть шершавый, золотой
и нежный.
Его прижала к сердцу. И тоске
Уже не место, страннице нездешней.

Со мной – Россия и Кубань мои,
Ерошит волосы степной горячий
ветер.

О, Родина, зови меня, зови,
Ты – лучшее, что есть на этом свете.

СЕКРЕТ

Я в судьбах останусь цветами
и небом.
По капельке в каждом, кто рядом
прошёл.
Мне этот секрет почему-то стал
ведом,
Как хлеб, что положен с любовью
на стол.

И в знании этом ни ноты гордыни,
Напротив – застенчивость сердца
и глаз.

От боли душа никогда не остынет,
И Небо со мною. Сегодня. Сейчас.

По белоснежью радугой пишу.

Дай Бог не ошибаться, не лукавить,
Дыханье фразам правильно
поставить, -
Тогда я стих на волю отпускаю.

Пусть улетает. Светлые крыла,
Коснувшись душ, их чутко обогреют.
И чья-то боль, смутившись, ослабевает
И даже позабудет, что пришла.
По белоснежью радугой пишу...

Незабудковый плат расстелю,
Сберегая, тебя спеленаю.
Как ребёнка родного люблю,
Почему так случилось – не знаю.

Всю до капельки нежность возьми,
Не тревожься, усни, я с тобою.
Небо дарит сиянием дни,
Вот и нас одарила судьбою.

Ошибаюсь, не знаю, как жить.
Дни седые почти у порога.
Знаю только, что нужно любить,
И печаль затихает немного.

У забора прощально дубки
Улыбаются осени тёплой.
Почему так минуты горьки,
Хоть дождём не встревожены стёкла?

Почему исстрадалась душа?
Угадать бы для счастья ответы.
Журавли в небесах не спеша
С крыльев сбросили отзвуки све-
та...

Отогрелась чаем с шоколадом
От озноба налетевших слёз.
Ничего, хороший мой, не надо,
Кроме той любви, что ты принёс.

Вот она: в сиянии заката,
В лепестках шиповника и слов.
И душа совсем не виновата,
Что вошла под твой взгрустнувший
кров.

Обниму – и горечь растворится
На губах, как этот шоколад.
Ничего плохого не случится,
Если ты моей улыбке рад.

Листва как музыка Шопена:
Светла, грустна
И беззаветностью бесценна,
Звучит она.

Коснулся ветер чутко, страстно,
Как пианист.
И ей слетать уже не страшно,
Жизнь – нотный лист.

На нём о ней осталась память –
Экспромт и вальс.
Зимы тоскующая память –
Всего лишь час.

ПАД

Синевы высокой радость,
В золотистых платьях вишни,
Я для солнца жить осталась,
На Земле не буду лишней.

Раздарю стихи и песни,
Ни гроша взамен не надо.
А закат, родной кудесник,
Мне откроет тайны лада.

Звонко-сладкий плач и хохот,
Даже боль звучит ноктюрном.
Лишь бы зла колючий холод
Никогда не тронул струны.

Спасена

Обними меня, обними,
Словно птицу в ладонь возьми.
Отогрей от снегов тоски
Благодатью твоей руки.
Защити от ветров обид...
Слышишь, сердце моё стучит?
Каждый миг я тебя ждала,
Наяву и во сне звала,
И прильнула к тебе сейчас,
Покорённая светом глаз –
Переменчивых, как волна...
Спасена тобой, спасена.

ТВОРЧЕСТВО
НАШИХ
ЧИТАТЕЛЕЙ

Сергей Мельников

Дед и внуки

Я с утра и до обеда
Слышу голос внучек: «Дедааа!»
Мне девчонок болтовня
Краше трелей соловья.

Ох! Хитрят мои принцессы.
Налицо их интересы:
– Кого больше любишь, дед? –
Ждут соперницы ответ.

Чтоб не обижать сестричек,
Этих хитреньких лисичек,
Взял в охапку внучек дед:
«Вот вам, лапушки, ответ!»

Загадки

Солнышко за горку село,
В доме сразу потемнело.
В ночь уходит светлый день.
Комнату накрыла тень.
Мы оденем тапочки.
Включим в доме...лампочки!

Люди бьют его руками,
Головою и ногами,
Ключкой по траве катают,
В сетку и кольцо кидают,
И ему совсем не больно
Вверх взлетает птицей вольной.
В лоб ударит – ты не плачь.
Называется он... мяч!

Осень кончилась и вот
Стужа зимняя идёт.
Листья с веток облетели.
Скоро засвилят метели.
И на улице от стужи
Ледяными станут?...Лужи!

Что снежинками кружится,
Белой простыней ложится?
Можно протоптать дорожку,
Колобок слепить, лепёшку,
Домик начертить, кружок,
Эта простыня – ...снежок!

Он на улице живёт
И к прохожим пристаёт.
Вырывает из рук книжки,
Треплет волосы, штанишки,
Подхватил пустой кулек –
В подворотню уволок.
Знает всё про всех на свете,
Называется он – ...
ветер!

И белый «Парус» вдохновенья!

Мы переживаем сложные времена. Да и когда они в России были простыми? Мы не живем, а выживаем.

Что нужно человеку, чтобы выжить? Простые вещи. Те, что не обманут. Небо. Хлеб. Близкие люди. И еще особые слова для души, ну хотя бы иногда, пусть не каждый день, но чтобы они существовали, и мы знали, что они есть, очищающие, лечащие, возрождающие... И люди, которые эти слова могут вам сказать. Они разные, эти люди. Молодые и старые, грустные и насмешливые, талантливые и не

очень, но все они особой породы – они творцы Слов.

Презентация литературно-художественного альманаха «Парус» прошла в Анапе. Издание знакомит нас с поэтами и писателями, живущими в городе-курорте Анапа. Альманах вышел сдвоенным, за 2009-2010 годы, в одной книге (еще один стрих сложных времен).

Четвертый номер альманаха открывают рассказы Валентины Бойченко из цикла «Страна нашего детства», посвященные Анапе, ее жителям и событиям, происходившим там много лет назад.

Очень хорошие рассказы, добрые и честные.

В поэзии представлены участники литературно-художественного объединения «Парус» А. Егоров, С. Зубарев, М. Казаковцева, Т. Лебедева и многие другие. Это стихи лириков и философов, разнообразные по содержанию, настроению, ритмическому строю.

Одной из задач этого сборника было открытие новых имен, им посвящен раздел «Год молодежи».

Также интересны статьи к 100-летию музея Анапы, написанные И. Мельниковой и Л. Баклыковым.

Пятый номер альманаха (а ведь маленький, но юбилей, можно поздравить!) посвящается 65-годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Всех авторов, представивших свои произведения, коснулась война. Их воспоминания – свидетельства очевидцев, особо ценных для нас, и для наших потомков.

Надеюсь, что и в дальнейшем творчество объединения «Парус» будет заметным явлением в литературной жизни Кубани!

А. Голубев

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России
Кубанский Писатель
Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС14-0358 от 24 апреля 2006 г.
Учредитель – КРО СП России.
Издатель: ИП «Кириллица»
ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:
В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, Н. Ф. Иванов (Москва), Н. А. Ивеншев, Б. И. Лукин (Москва), Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350000
г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11
E-mail: snmakarova@mail.ru
Электронная версия газеты на сайтах
www.sprosia.narod.ru
и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина
www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2

Заказ № 1390
Подписано в печать
в 10.00, 22.03.11 г.
Тираж: 1000 экземпляров
Цена свободная